

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-181-191

Я. С. Сусун

*Новосибирский областной колледж культуры и искусств
пр. Карла Маркса, 24/3, Новосибирск, 630087, Россия*

charlottelis@mail.ru

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИМЕНИ В ПОНИМАНИИ ПЛАТОНА

Рассмотрено одно из составляющих мироздания Платона – имя, и в его отношениях с буквами и слогами, и среди других частей речи. Выдвинуто предположение, что здесь имеет место иерархия сущностей, исходя из этого, сделана попытка прояснить место имени в названных соотношениях. Выявлено, что иерархические отношения имени и других слов (частей речи) представлены двояко и противоречиво: во-первых, как сущности посюстороннего мира они рядоположены; во-вторых, имя может пониматься как иерархически более высокий, обобщенный уровень представлений о вещи, нежели слова, называющие ряд признаков вещи. Буквы и слоги же представляют собой элементы иерархически организованной материи для воплощения идеи имени.

Ключевые слова: Платон, иерархия, имя, слово, идея, материя, прилагательное, глагол, буквы, первоначала, потусторонний мир, посюсторонний мир, аналогия.

Соотношение имени и слова

Соотношение в учении Платона имени и слова представляет собой проблему на том основании, что философ во фрагментах, посвященных именам сущностей, называет их «словами».

Картина мира у Платона иерархически организована. Так, известно, что в мире неизменных и вечных идей выделяется идея блага, возвышающаяся над остальными. Она обуславливает и существование предметов в мире вещей, и познаваемость этих предметов. Сродни ли идее блага, расположенной на вершине пирамиды идей, имя вещи, заменяющее собой описание этой вещи и в этом смысле «стоящее»

над словами? Есть некоторые аргументы для утвердительного ответа на этот вопрос, как, например, то, что имя также способствует познаваемости вещей.

Иерархические построения Платона предполагают, что одной идее соответствует множество вещей, причем идея и вещи относятся к разным мирам. Не должны ли мы провести аналогию между соотношением имени и более или менее подробного описания вещи – и идей и совокупностью соответствующих вещей в посюстороннем мире? В таком случае, если мы признаем подобную аналогию, можно предположить, что для Платона не стало бы чужеродным представление об имени как идее слов, репрезентирующих всю совокупность свойств объекта, названного данным именем.

Существуют лингвистические концепции, согласно которым фонетическая структура имени может меняться, но имя от этого не меняется. Значение имени есть то неизменное, что воплощается в звуках как в материи. Естественно, мы опять должны будем предположить, что, в представлении Платона, значение имени есть то, что соответствует идее в потустороннем мире, которая воплощена в совокупности причастных ей объектов мира посюстороннего. Существует ли тогда идея самого имени, ведь поскольку имя известно как земная сущность, следовательно, оно должно быть причастно идее? Здесь мы зададимся вопросами: а что это за вещь – имя? Ведь его нельзя пощупать руками, как предметы; это не какое-то моральное качество, которое можно ощутить в себе, типа мужества, однако можно увидеть имя написанным, услышать, как оно произносится.

Но даже если мы признаем-таки имя особым видом вещи, непонятной останется ситуация со словом. И слово воплощено в звуках, и у слова есть значение. Слово тогда – тождественная имени вещь.

На современном уровне развития лингвистики отношение между именем и словом вполне определено: «слово» более общее понятие, чем «имя», имена есть разновидности слов. У Платона же ситуация обратная: имя у него оказывается важнее слова, именно иерархически в структуре его учения важнее, поскольку может заменить собою ряд слов, описывающих ту или иную вещь.

В литературе нами было найдено утверждение, гласящее, что слово материально [Богомолов, 1985]. Согласно платоновскому учению о причастности вещей соответствующим идеям, мы можем считать слово материальным слепком. Если бы мы признали существование идеи имени, то на земле должны существовать имена, выражающие эту идею, а вовсе не слова, иначе должна была бы быть идея слова. Слово же как материальное образование, вероятно, может существо-

вать, потому что Платон признавал самостоятельное существование материи, отдельное от идеи. Таким образом, слово существует, но смыслом не обладает, поэтому можно образовать сколь угодно много разных слов, произнести целый текст, а платоновский Сократ все недоволен, словно бы мы ничего и не сказали. При этом слово оказывается разложимо на звуки. Исследователь Конрад Гайзер, например, материю слов называет именно звуковой материей (см.: [Гончаров, 1998. С. 10]).

В этом случае, по нашей логике, приходится признать, что слово у Платона не материя, а вещь, причастная своей идее, которая воплощена в звуках как в материи. Слово и имя оказываются земными сущностями, выстроенными почему-то в иерархию.

Обратимся теперь к фрагментам сочинений Платона, чтобы прояснить его понимание характера соотношения слов и имен.

Чужеземец. *Что же теперь? Не считать ли нам, что и по отношению к речам существует какое-то подобное искусство, с помощью которого можно обольщать молодых людей и тех, кто стоит вдали от истинной сущности вещей, речами, действующими на слух, показывая словесные призраки всего существующего? Так и достигается то, что произносимое принимают за истину, а говорящего – за мудрейшего из всех и во всем [Платон. Софист, 234 b-c].*

В данном отрывке «словесные призраки» – это нечто изначально пустое, неистинное. Не считать ли нам это подтверждением нашего предположения о том, что слово – это бессмысленное образование, материально воспринимаемое на слух? Несмотря на такой заманчивый ход мысли, не будем упускать из виду, что в целом весь отрывок диалога посвящен подражательным искусствам, которые и порождают «призраки» существующего. Отсюда напрашивается мысль, что есть слово истинное, а есть его призрак, ложная его копия. Подобная мысль уже резко противоречит пониманию слова как изначально пустого, лишённого смысла. Кроме того, мы видим, что образованное ложное слово принимается мастерами-подражателями за истинное, следовательно, слово само по себе несет истину о чем-то существующем.

По поводу же имени в данном диалоге отмечается, что оно также может быть обманчиво, ибо именем, которым называется истинная вещь, можно назвать и копию этой вещи. Главное же состоит в том, что и слова, и имена понимаются в тесной связи с вещами. Следующий фрагмент ценен тем, что имена отнесены к словам:

Сократ. А давать имена – не входит ли это как часть в нашу речь? Ведь те, кто дает имена, так или иначе говорят какие-то слова.

Гермоген. Верно [Платон. Теэтет, 387 с].

Приведем высказывание одной из исследовательниц: «Словесное искусство принадлежит миру телесному – миру звуков и букв, но оперирует, как и всякое искусство, идеальными образами. Слову дано объединять многое в единое» [Васильева, 1999. С. 10]. Иначе говоря, утверждается многозначность слова. Кроме того, учитывая соотношенность слов и имен с вещами, будем иметь в виду иерархию: над многими предметами стоит одно имя или слово. Эта схема очень похожа на иерархию причастности многих вещей одной идее.

Еще немаловажно, что «имя» называют и именем, и словом – оно действительно является и тем, и другим в зависимости от более узкого и более широкого контекста рассмотрения. Например:

Гермоген. Я спрошу у тебя о самом великом и прекрасном – об «истине», о «лжи» и «сущем», а также о том самом, о чем у нас идет сейчас речь, – об «имени». Откуда эти имена?

Сократ. Так вот, называешь ли ты что-нибудь словом «поймать»?

Гермоген. Называю. Это значит «искать».

Сократ. Видно, это слово не что иное, как сокращенное выражение, в которое входит слово «имя», означающее то сущее, коего достигает наш поиск <...> [Платон. Кратил, 421 а].

Таким образом, разница между именем и словом продолжает стираться, какие бы новые признаки мы ни находили у имени, те же признаки можно найти и у слова.

Из следующего фрагмента следует, что имя является частью речи, причем наименьшей в смысле истинности и значения.

Сократ. Так вот: то, что ты называешь малой частью нашей речи, отличается от имени?

Гермоген. Нет. Имя и есть наименьшая часть.

Сократ. И предполагается, что имя есть часть истинной речи?

Гермоген. Да [Платон. Кратил, 385 с].

Отметим, что имя – есть часть именно истинной речи, значит, имя обладает известной степенью устойчивости, тогда как речь может предсказывать имени и непостоянные признаки.

То, что имя является малой частью речи, т. е. научно говоря, смысловой единицей речи, говорит о том, что уже в те времена Платон понимал, что хотя слово и разложимо на буквы, смысла эти буквы не несут. Другое дело, что объяснял он это по-иному, считая буквы –

своего рода материей, а смысл – воплощением идеи в эту материю. По одному из дополнительных источников, Платон показал, что безвидная материя соответствует в грамматике двадцати четырем буквам [Анонимные пролегомены..., 1995. С. 127].

Далее мы должны отметить, что речь состоит из слов, причем слова подразделяются на две группы: имена и глаголы. Таким образом, если раньше имя объявлялось имеющим первенство над обычным словом (не именем), то теперь оказывается, что имена составляют часть из всех существующих слов. Имена соотносимы с глаголами, а глаголы с именами, – именно из этой взаимной соотнесенности и возникает речь. Исследуя последнее положение, Геворгян писал об этом так: «Что же касается самой речи, то она образуется из сочетания глаголов и имен» [1987. С. 127–128].

В вычленении частей речи можно усмотреть построение очередной иерархии; например, имена сами по себе проясняют суть одной вещи, имена же вкупе с глаголами проясняют связи между разными вещами.

На этом основании различим название как часть речи и всю речь в целом. В диалоге «Софист» Чужеземец настаивает, что речь словно бы выше имени, хоть и нуждается одинаково и в именах, и в глаголах. На речь в целом навешивается определенное качество истинности / ложности.

Имя же можно признать устойчивой сущностью в пределах речи, ведь даже объяснения закреплены за определенным именем. Понятно, что ложный предикат не мог входить в состав имени, поэтому в речи, видимо, добавляются к имени признаки преходящие, непостоянные. Глаголы же словно бы начинают лишать имя его космического постоянства. Действительно, «Теэтет сидит» – речь, верная в ограниченный отрезок времени. Другими словами, мы говорим о том, что именованное не стоит выше речи, а имя по своему статусу главнее глагола.

Желание возвысить имя видно из такого фрагмента:

Сократ. <...> Пожалуй, наиболее правильными мы сочтем имена, установленные для того, что существует вечно, для исконного. Ведь как раз здесь устанавливать имена следует особенно тщательно. И некоторые из них установлены, возможно, даже более высокой силой, нежели человеческая, – божественной [Платон. Кратил, 397 b-c].

Если именно именами считать названия сущностей, то прилагательные и глаголы нужно считать производными от имен, ведь выражают эти части речи текучесть, проявляющуюся в мире вещей, поскольку материя – источник текучести. Мысль эту можно подкрепить другим материалом, например, фактами из исторической грам-

матики: в индоевропейском языке в состав одного корня входили и сущностные, и глагольные значения [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]; «*<...> the same root may appear in different semantic slots, with appropriate derivational and inflexional morphology, as subject, verb, object, instrument <...>*» (один и тот же корень мог проявляться в разных семантических гнездах как субъект, глагол, объект, инструмент., благодаря соответствующим словообразовательным и словоизменительным частям слова) [Watkins, 1987. P. 302].

Известно, что именование по действию – это одно из направлений именования еще в мифологической традиции [Топорова, 1994]. Если действие приобретает статус характерного признака, оно выносится в имя. Не зря в этимологических значениях имен часто проскальзывают глагольные значения, а также богов именовали по характеру действия.

Постижение сущности имени собственного происходит через обращение к словам, лежащим в основе. Таким образом, обычные слова (не имена) имеют смысл, не менее значимый, чем имена. Если все еще признавать, что имя располагается в иерархии сущностей выше других слов, то эти последние оказываются основой для имени, что противоречит платоновскому принципу иерархий, поскольку в основе вещей должно лежать не низшее, а высшее, и имя должно наделять другие слова смыслом, а не наоборот. Таким образом, по одним данным, у Платона имя есть более высокая ступень иерархии слов, по другим, такая позиция может быть опровергнута.

Имя является элементом речи наряду с глаголами, прилагательными. Таким образом, имя входит в состав целой организованной системы, которая отражает как изменения земного мира (глагольные значения), так и призвана отражать нечто пребывающее, устойчивое в той или иной мере (именные значения).

Статус букв и слогов

Из нижеследующих отрывков мы увидим попытку разложения слова (имени) на составляющие:

Сократ. *<...> Впрочем, кое-что в сказанном мне не нравится.*

Теэтет. *Что именно?*

Сократ. *То, что с виду сказано наиболее складно: что-де начала непознаваемы, а род сложенного познаваем [Платон. Теэтет, 202 d].*

Сократ. *<...> Прежде всего: слог поддается объяснению, а буквы необъяснимы?*

Теэтет. Пожалуй, да.

Сократ. Вот и мне так кажется. Поэтому, если кто-то спросит о первом слоге «Сократ», вот так: «Теэтет, скажи, что такое “Со”?», что ты ответишь?

Теэтет. Что это сигма и омега.

Сократ. Это и есть твоё объяснение слога?

Теэтет. Да, именно.

Сократ. Тогда дай такое же объяснение сигмы.

Теэтет. Но разве можно назвать начала начал? Ведь сигма, Сократ, совсем безгласная, это какой-то шум, род свиста в гортани <...> [Платон. Софист, 203 a-b].

То, что слог Теэтет объясняет, приводя составляющие его части, уже свидетельствует о том, что земную сущность понимают иерархически выстроенной. Имя слога «со» состоит из имен букв «сигма» и «омега», при этом его не назовёшь составным. Кроме того, обратим внимание на то, что буквы как первоначала оказываются лишёнными смысла. Именно таковой представляет сигму Теэтет. А лишённость смысла начинает склонять нас к мысли, что это просто материя: «Миру истинно сущего бытия противопоставлен не мир чувственных вещей, а небытие. Небытие – это материя» [Асмус, 2005. С. 36]. И все-таки остается без ответа вот какой вопрос: буква бессодержательна и неразложима, слог бессодержателен, но разложим – таким образом, получается, что в самой материи есть градация, иерархия: буквы, слоги. В противовес этому утверждается выше, что буква потому не может быть объяснена, поскольку она первоначало; ей нельзя дать имени, точно она сама идея. Мы заходим в тупик, с одной стороны, считая букву элементом материи, с другой стороны, считая ее первоначалом. Некоторые исследователи находят общее между идеей и материей, исходя из чего первоначала можно понимать и как материальные: «Материя определяется совокупностью свойств, и идея – тоже. В чем же тогда разница между материей и идеей? Ведь уже сама материя не существует без идеи материи. Или материя глухая бездна непознанного» [Лосев, Тахо-Годи, 2005. С. 78].

Операции с материальными буквами Теэтет не считает истинным знанием, хотя описывает различные варианты соединений, смешений фрагментов материи [Платон. Теэтет, 207 a-b]. Таким образом, описание материи не является знанием. Особенно если вспомнить, что присоединение или пропуск одной буквы существенно не меняет имя. Другими словами, все буквы выступают как одна единая мате-

рия, и под сомнение ставится уже идея той или иной отдельной буквы:

Сократ. *И если не каждый законодатель воплощает имя в одних и тех же слогах, это не должно вызывать у нас недоумение. Ведь и не всякий кузнец воплощает одно и то же орудие в одном и том же железе: он делает одно и то же орудие для одной и той же цели; и пока он воссоздает один и тот же образ, пусть и в другом железе, это орудие будет правильным, сделает ли его кто-то здесь или у варваров. Так?* [Платон. Кратил, 389 d-e]

Из данного фрагмента мы получаем свидетельство о том, что буквы и слоги в земном мире – это именно материя, поскольку законодатель воплощает в них имя. Сделаем еще одно ценное наблюдение: материей считаются как звуки, так и слоги, т. е. они автоматически признаются бессмысленными. Но вот что странно: например, корни слов, которые имеют смысл, состоят все же из букв и слогов. Иначе говоря, если к слогу прибавить еще букв, то получится корень, и сразу он окажется осмысленным.

Ситуация с буквами резко осложняется тем, что буква имеет имя. В связи с этим говорится о некоторых сущностях букв, а мы вот только доказывали, что они бессмысленны и сами служат материей для появления имен в земном мире. Сущность их, вероятно, заключается в материальности, в звучности, а вот добавление трех бессмысленных букв сути этой не меняет, т. е. буква «бета» звучит все равно так же, как и если бы ее назвали по тому звуку, который она обозначает. Таким образом, присутствие ее звука в имени выражает ее материальную суть, а остальные словно бы для красоты. В итоге имена букв дают нам более четкое представление о бессмысленности букв.

Сократ. *<...> В таком случае если имя будет подобно вещи, то по природе необходимо, чтобы и буквы, из которых составлены первые имена, были подобны вещам <...>* [Платон. Кратил, 434 a].

Сократ. *В таком случае и имена так же точно не могли бы стать чему-то подобными, если бы не существовало начал, содержащих какую-то исконную правильность, из которых составляются имена для тех вещей, которым они подражают. А эти начала, из которых нужно составлять имена, ведь не что иное, как звуки?* [Там же. 434 b]

В этих фрагментах обращено внимание на буквы, которые, вопреки нашему недавнему мнению, все же не бессмысленны, а содержат исконную правильность, т. е. обладают в данном случае статусом не элементов материи, а первоначал, которые причастны идеям. Принцип иерархии тогда повторяет и «идейную», и «именную» струк-

туры: несколько идей составляют общую идею вещи, а несколько букв составляют имя, – таким образом, буква есть выражение идеи некоего свойства. И прав в этом случае тот законодатель, который обнаруживал в звуках некие свойства, сходные со свойствами вещей. Можно, конечно, предположить, что буквы, причастные первоначалам, на земле считаются материей имен.

В итоге следует признать, что у Платона буквы и звуки, с одной стороны, приравнены к разновидности земной материи, с другой стороны, они же могут являться причастными неким особым идеям, или первоначалам.

Список литературы

Анонимные пролегомены к платоновской философии // Учебники платоновской философии / Сост. Ю. А. Шичалин. М.; Томск: Водолей, 1995. С. 121–146.

Асмус В. Ф. Платон. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Богомолов А. С. Античная философия. М.: Изд-во МГУ, 1985.

Васильева Т. В. Платоновский корпус и система философии Платона: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999.

Гамкрелидзе Т., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Геворгян А. Т. Иносказания Платона. Ереван: Айастан, 1987.

Гончаров И. А. Практические основания истины в античном платонизме. Сыктывкар, 1998.

Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 2005.

Платон. Кратил // Платон. Избранное. М.: АСТ, 2004.

Платон. Софист // Платон. Избранное. М.: АСТ, 2004.

Платон. Теэтет // Платон. Избранное. М.: АСТ, 2004.

Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.

Watkins C. How to kill a dragon in Indo-European // Studies in memory of Waren Cowgill (1929–1985). Berlin; New York, 1987.

Ya. S. Sysun

*Novosibirsk Regional College of Culture and Arts
24/3 K. Marx Ave., Novosibirsk, 630087, Russian Federation*

charlottelis@mail.ru

HIERARCHICAL STRUCTURE OF A NAME IN PLATO'S UNDERSTANDING

The paper considers one of the components of Plato's universe – the name in its relations with letters and syllables, and among other parts of speech. It is suggested that there is a hierarchy of entities, and accordingly, an attempt is made to elucidate the place of the name in the above-mentioned mentioned relations. It is revealed that the hierarchical relations of a name and other words (parts of speech) are presented in an ambivalent and contradictory manner. Firstly, as entities of the «world of appearances» they are located at the same level, secondly, the name can be understood as a hierarchically higher generalized level of ideas of a thing than just the words denoting a number of the features of a thing. Letters and syllables represent the elements of hierarchically organized matter for the embodiment of the idea of a name.

Keywords: Plato, hierarchy, name, word, idea, matter, adjective, verb, letters, first principles, the «world of forms», the «world of appearances», analogy.

References

Anonimnye prolegomeny k platonovskoi filosofii [Anonymous prolegomena to Plato's philosophy]. *Uchebniki platonovskoi filosofii [Textbooks of Plato's philosophy]* / Yu. A. Shichalin. Moscow, Tomsk, Vodolei Publ., 1995, p. 121–146. (In Russ.)

Asmus V. F. *Platon*. Moscow, Editorial URSS, 2005. (In Russ.)

Bogomolov A. S. *Antichnaya filosofiya [Ancient Philosophy]*. Moscow State Univ. Press, 1985. (In Russ.)

Vasilieva T. V. *Platonovskii korpus i sistema filosofii Platona [Plato's corpus and System of Philosophy of Plato]*: the thesis in the form of the scientific report for a degree of the Doctor of Philosophy. Moscow, 1999. (In Russ.)

Gamkrelidze T., Ivanov V. V. *Indoevropeiskii yazyk i indoevropeitsy [Indo-European Language and Indo-Europeans]*. Tbilisi, 1984. (In Russ.)

Gevorgyan A.T. *Inoskazaniya Platona* [*Allegories of Plato*]. Yerevan, Aiastan Publ., 1987. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Prakticheskie osnovaniya istiny v antichnom platonizme* [*The Practical Bases of the Truth in an Antique Platonism*]. Syktyvkar, 1998. (In Russ.)

Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Platon. Aristotel* [*Plato. Aristotle*]. Moscow, 2005. (In Russ.)

Plato. Kratil. *Platon. Izbrannoe* [*Plato. Selected Works*]. Moscow, AST Publ., 2004. (In Russ.)

Plato. Sophist. *Plato. Izbrannoe* [*Plato. Selected Works*]. Moscow, AST Publ., 2004. (In Russ.)

Plato. Teetet. *Plato. Izbrannoe* [*Plato. Selected Works*]. Moscow, AST Publ., 2004. (In Russ.)

Toporova T. V. *Semanticheskaya struktura drevnegermanskoi modeli mira* [*Semantic Structure of Old German Model of the World*]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Watkins C. How to kill a dragon in Indo-European. *Studies in memory of Waren Cowgill* (1929–1985). Berlin, New York, 1987.